Алеша Попович женится

Отправлялся Добрыня во чисто полё Не на много ведь поры, да на двадцеть два года, Оставляёт он свою да любиму симью, Любиму свою симью, да молоду жону: «Если сполнится мне да двадцеть два года, Не сиди-то ты, моя да молода жона, Не сиди-то ты вдовой горькою, Ты поди-ко-ся да за ина замуж, Хошь за барина поди, хошь за буярина, Не ходи толькё за Олёшинькю Половица, Олёшинькя мне будёт крестовой брат». Заводилосе у князя пированьё-столованьё, Сидели они да на честном пиру, Как запала-то ведь мысель в ретиво серчо, Как задумал-ыт Олёшинька женитися, Как на той-то вдовы да на Добрыниной: «Уж ты, батюшко Владымир стольно-киевской, Ты позволь мне-ка женитися на Добрыниной вдовы!» Отвечает ему Владымир стольнё-киевской: «Можот быть, Добрыня еще сам живой». Говорит Олешинько Поповиц блад: «Я давно вить-то ездил во чисто полё — Сквозь Добрынюшка трава ростёт, Сквозь Микитица цветы цветут; Ты позволь мне на ней женитися, Ты же сам будёшь мне-ка батюшком, А княгина-то Апраксия место матушки, Как ты, старой да Илья Муромець, Ты же мне быть ты тысецким; Как Цюрило Голошапишко, Ты будёшь мне ходить да место дружки-то». Срежалисе они да со князём-то, Как пошли-то ведь да со князем поездом, Ише к той-то ведь Добрыниной родной матушке. Шли-то ведь они да ноцьным временём,

Как колотятся они у Добрыниной у матушки, Как у тех же ворот да у крылецныих. Выходила-то Добрынина родна матушка: «Ише хто же тут колотитце ноцным временём, Ише воры-то или разбойники?» Отвецат на то Владымир стольнё-киевской «Запускай нас, Добрынина родна матушка, Мы идём ведь к Добрыни на почэсен пир». Запускала их Добрынина родна матушка, Не воротят они в ложню теплую, Ищэ прямо всё идут да в лёжню спальнюю, Где-то спит его да молода жона. Заходил Владымир стольнё-киевской Как со тем же ведь Олёшинькой Поповицом, Как со тем же ведь стары да Илья Муромцом, Говорят они Добрыниной молодой жоны: Ты ставай-ко-се, вдова, со кроватоцьки, «Ты ставай-ко-се с постелюшки пуховоей, Со кроватоцьки ставай-ко со тисовоей. Надевайся ты во платьицо во цветное, Ты поди-ко-се с Олёшой ко божьей церкви, Принимай-ко-ся с Олёшой золоты винчи». Тут не белая лебедушка восклыкала, У Добрыни молода вдова заплакала. Как ставала ведь она да со кроватоцьки, Как брала она в руки да золоты ключи, Отмыкала она ящики окованны, Вынимала она умываньицо румянное, Вынимала она своё да платьё цветноё, Надевала она своё да платьё цветноё. Еще брал-то ей Олёша да праву руку, Как повёл-то ей Олёша во божью церкву, Принимали они винчи да золотые с им. Были у Добрыни три утехи, Были три ворона кормлёныи, Полетели эти вороны кормлёныи, Где ведь спит-то ведь Добрыня во чистом поли, Ище спит-то ведь Добрыня во белом шатре. Как один-от ведь садилса на сырой дуб,

Как другой-от ведь садилса на бел шатёр, Как третей-от ведь садилса на сыру землю. Как первой-от ворон-от воскуркаёт — Как удрогла ведь матушка сыра земля; Как второй-от ведь ворон-от воскуркаёт — Как сухое-то пенье поломалося; Ищэ третей-от ведь ворон-от воскуркаёт — Как наш-то ведь доброй молодец пробужаитце, От великою хмелинки просыпаитце: «Видно есь у нас над городом незгодушка». Как сряжалса ведь Добрынюшка Микитьевич, Как сбирал-то ведь Добрыня свой белой шатёр, Поворот дёржит Добрынюшка во свой город. Приежжал-то Добрынюшка ноцьным временём, Как колотитце Добрыня у своих ворот, Выходила ведь Добрынюшкина родна матушка: «Ищэ хто же тут колотитце ноцьным временём, Ищэ воры ли вы ходите, розбойники?» — «Ётпирай-ко-ся ты, матушка родимая, Запусти-ко ты меня, удала добра молодца!» Как заходит ведь Добрыня да в гриню светлую, Как заходит ведь Добрыня в спальну ложную — Как ведь нет-то его да молодой жоны. Ищэ спрашиват свою да родну матушку: «Ищэ где моя да любима жена?» Как не белая береза росшаталася, Не зеленая к земле да приклонялася — Да падала-то Добрынина матушка в резвы ноги; «Недавно ведь у нас был Владымир стольно-киевской, Ишшо с тем же ведь Олёшинькой Поповицом, Увели-то у Добрынюшки молоду жону». — «Уж ты дай мне-ка, матушка, благословеньицо, Как сходить-то ведь к Олёшиньке на свадебку». Говорила ему матушка родимая: «Ты пойдешь, моё дитятко, на свадебку, Ищэ много крови ты прольёшь напрасноей». — «Я не пролью, матушка, крови напрасноей: Ищэ ейно-то ведь дело невольноё». Надевал-то ведь он платьицо калицеско,

Заходил-то ведь Добрынюшка на свадебку, Как сидят-то они за столами за дубовыми, Как сидит-то жена с Олёшинькой Поповицом; Наливали калики чару зелена вина, Подавал калики князь да стольно-киевской, Подходил-то ведь Добрыня к дубову столу, Ищэ брал он ведь чару во праву руку, Как за цяроцькой Добрыня выговариват: «Тибе дай Боже, Владымир, ходить батюшком!» Наливают калики чару зелена вина, Подаваёт калики княгина мать Апраксия, Как приходит-то калика к дубову столу, Как берёт он цяру во праву руку, Как за чарой Добрыня выговариват: «Те подай Боже, княгина, ходить матушкой!» Наливают калики чару зелена вина, Подавает калики Илья Муромець, Как берёт-то калика во праву руку, Как за чарой сам выговариват: «Те да[й] Бог, Илья, да ходить тысецьким!» Наливает цару Олёша-то Поповиць-от, Подавает цару Олёшинька Добрынюшке, Как берёт-то Добрыня во праву руку, Ищэ пьёт-то цяру со една духу, Как за царой сам выговариват: «Те подай Боже, Олёша, во совете жить!» Наливаёт-то ведь чару молода жона, Ищэ пьет-то ведь Добрыня с едина духу: «Те подай Боже, молодушка, согласно жить!» Как сымаёт-то Добрынюшка с правой руки, Как с правой-то руки да злачёный перстень, Роздвигала-то ведь она дубовы столы, Да падала ему да во резвы ноги: «Ты прости меня, Добрыня, во первой вины: Как мое-то ведь дело подневольнёё». Как он брал свою жену да за праву руку: «Проздравляю тебя, Олёша, с молодой жоной! Благодарю тебя ведь, князь да стольно-киевской! Ты на што надеелся, Илья Муромец,

Вы уж взяли жену да от жива мужа?»

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Пойлово (зап. в сел. Куя, на Печоре, Пустозерской вол.) — от Шевелевой Прасковьи Ивановны (уроженки Мезени), возраст не указан.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.